

Байкальск – город одного поколения

текст

Татьяна Тимофеева

При изучении сибирских моногородов можно выделить два фундаментальных компонента, важных для описания социокультурной городской среды. Первый компонент – возникновение города в одночасье, практически на пустом месте и с большим горизонтом ожиданий для тех, кто туда устремлялся. При анализе биографических интервью отчетливо прослеживается, как с переездом начинается новая жизненная история человека. Способность к новой жизненной истории объясняется географической мобильностью, умением влиться в новую среду, освоить новые профессии, реализовать горизонт собственных жизненных ожиданий, т.е. потенциалом социальных изменений. Можно утверждать, что большинство тех, кто приехал строить Байкальск, обладали таким потенциалом либо были способны его аккумулировать.

Второй компонент – плотная зависимость жизни моногорода и градообразующего предприятия. В случае Байкальска – зависимость от БЦБК (Байкальского целлюлозно-бумажного комбината). Рассматривая систему отношений градообразующего предприятия и горожан, исследователи чаще всего обращаются к термину патернализм, удобному в объяснении «социальной ностальгии» по прошлому и акцентирующему неспособность человека менять установки и действовать в новых экономических условиях.

Два эти компонента по своему воздействию порождают разнонаправленные векторы: с одной стороны – потенциал социальных изменений, с другой – неспособность человека менять установки и действовать в новых экономических условиях. Постараемся раскрыть данное противоречие, обратившись к поколенческому анализу как возможности отразить транслируемые социокультурные модели жизни моногорода.

Географическая мобильность

Байкальск, как и большинство сибирских моногородов, основанных в конце 50-х-начале 60-х годов, имеет смешанное «лагерно-комсомольское прошлое». Строительство города и комбината осуществлялось через привлечение добровольцев на «ударную стройку», так и с привлечением труда заключенных. Кроме того, среди добровольцев того периода была заметная доля освободившихся – как после отбытия наказания за уголовные преступления, так и по реабилитации. Осужденные, работавшие на строительстве комбината, по окончании срока наказания или реабилитации часто оставались в городе. «Политические», будучи людьми образованными, с опытом городской жизни, управленческим опытом, вливались в городской коллектив и задавали особую социальную тональность городу. Кроме заключенных, источником пополнения рабочей силы служили вольный наем проживающих в ближайших селениях и вербовка по оргнабору. Об этом говорят и сами жители Байкальска.

«Они приехали строить. А вот сестры-то, они по комсомольско-молодежной путёвке, но может быть за романтикой, я не знаю. Они жили в палатках, как бы ещё такие большие палатки стояли. Мама рассказывает, нам, говорит, жить было негде, закрыли ширмочкой уголок и специально, говорит, поставили самую скрипучую кровать (смеётся). И вот родилась даже я в палатке, потому, что ещё не было ни больниц». (Из интервью, ж., 58 лет)

«А тут город на Байкале. Такие ожидания, мне хотелось посмотреть, озеро, посмотреть. Ой, всё замеча-

тельно. Во-первых город, конечно, меня поразил сразу. Он такой тихий, красивый. Погода такая, снежная. [...] солнце такое, снег. Такая красота. Меня поразила природа». (Из интервью, ж., 58 лет)

«Я был преподавателем (истории Т. Т.) в техникуме. Я жил на Украине, меня обвинили в национализме... Ну и вот мне пришлось сюда приехать... вербовка. Мне дали адрес, комбинат производственных предприятий. Здесь поставили инженером по лесопилу, в итоге я ничего не понимал... Но по крайней мере проработал определенное количество..., потом здесь открыл школу искусств. Вот. Ну, как видите, никакой романтики не было. Просто надо было занять какое-то жильё, надо было где-то жить». (Из интервью, м., 60 лет, директор музея, общественник)

«В Байкальске походили, посмотрели, нам до того понравилось. Ой, и вы знаете, мы как вот с вокзала идти, вот в посёлке, вот эта улица идёт туда, не знаю какая, Советская или какая, так вот дома стоят. Ой, как нам это понравилось. Ты посмотри, как красиво дома стоят – лесенкой, и туда к почте, там почта была раньше, туда к почте дорога. А сюда Речная была. Такая улица, мне она запомнилась на всю жизнь. Она мне до того нравилась улица эта Речная, от стадиона первая. Ну, короче мы походили, поуживали, можно ли на работу. Но только нас смущало, что туалеты были уличные, на улице подванивало. А мы с Ленкой еще говорим, да хрен. А в магазинах чего только не было. Чего только не было! И детское, и ковры, и костюмы эти спортивные». (Из интервью, ж., 58 лет)

Деление на тех, кто приезжал, откликнувшись на пропагандистскую кампанию, по комсомольско-молодежным путевкам, и на тех, кто приезжал самостоятельно в поисках лучшей жизни, в данном случае нас не интересует. Стратегия и тех и других – смена места жительства как обретение новых перспектив, возможность строить свою жизнь и жить в соответствии со своими ожиданиями:

«Это маленькая Америка, понимаете это. Где-то что-то начинает, как говорится, зародиться там, как только появляется Клондайк, туда надо было рабочую силу и у людей надежда на то, что они будут жить как можно лучше. Уезжали при всяких, как говорится, своих интересах...». (Из интервью, м., 60 лет, директор музея, общественник)

Нацеленность на географическую мобильность как способ вырваться из социальной колеи стала в Байкальске культурной нормой. Как и в других молодых городах (т.е. переселенческих сообществах) представителями новых поколений наследуется способность к жизненному выбору, к вхождению в новые социальные сети, предприимчивость. Стилистика рассказов о родителях и предках тех, кто приезжал в Байкальск, обычно содержит интенцию на неординарность, самобытность судьбы, особость жизненного сценария. Часто такая особость является центральной идеей рассказа, ее ключевым моментом и апеллирует к субъективному опыту переживания предками определенных исторических событий – войны, репрессий, ссылки.

«Ну, вообще, конечно, наша семья - это, ну... такая она неординарная, если честно так признаться. Просто мне даже больше интересна жизнь моих родственников, чем моя личная жизнь, потому что моих предков, так скажем, родителей отца и матери, их сослали сюда в Сибирь. То есть мать бабушка, она жила в

Тамбовской области, у них деревня была Варезки. Я помню, что бабушка моя, бабушка родилась в этой деревне – Варезке. Вот. А отцовские родители, они приехали с Пензенской области. ...они держали, видимо, у них был табун лошадей. И вот из-за этих лошадей, когда началось вот это все раскулачивание, то есть отцовских родителей. [...] Их сослали сюда». (Из интервью, ж., 58 лет)

В биографических повествованиях акцентируются семейные установки на трудолюбие, самостоятельность, предприимчивость, освоение новых жизненных и экономических практик, умение выживать за счет ресурсов тайги, умение делать жизнь достойной:

«Мать моя, за что бы ни бралась, она все умела делать, все абсолютно.... начиналось лето, кончался май и начиналась черемша. И вот они все ходили, собирали эту черемшу, в основном моя мать, бабушка, ну, и остальные все под ними. Они ходили, собирали эту черемшу кулями. Мать набивала так этот куль плотно, что он весил 40 килограмм, вообще люди умели пользоваться дарами и умели их собирать. Мать моя была такая – она все умела делать. Все это привозилось, потом увозилось в Улан-Удэ, потому что там почему-то любили эту черемшу, какие-то там деньги они получали, выручали, вот на эти деньги одевались, покупали обувь какую-то себе, ткани. Бабушка сама шила и в школу. Я так помню, что рассказывали (мама, тетя Дуся), что не было такого, чтобы ходили, как нищие, одеты все были нормально, потому что все трудились. Была, конечно, корова, сено было. Мать моя тоже говорит, что она рыбачила, что раньше рыбу эту добывали на Байкале, то есть какие-то баркасы были, в общем, какие-то рыболовные суда и бригады были эти рыболовецкие, и вот мать моя тоже рыбачила». (Из интервью, ж., 58 лет)

Чувствительность к социальному

Значимый компонент, который можно назвать чувствительностью к социальному, проступает в рассказах о родителях и других предках, чьи траектории жизни задавались кардинальными социально-историческими изломами – ссылками, репрессиями; в рассказах тех или о тех, кто оказался в Байкальске из-за разногласия со средой и/или властью и попал в новый город либо как осужденный, либо в поисках иной социальной среды. Рефлексия собственного жизненного опыта в этих повествованиях невозможна без координат идеологического/социального, без социальной рефлексии. Есть основное говорить о социально-исторической обусловленности жизненных путей тех, кто приезжал в Байкальск (и их предков), привязанности к центральным историческим событиям страны, когда эти события выступают одними из ключевых механизмов регулирования жизненных траекторий и плотно включены в социальные паттерны. Прошлое семьи или то, как оно воспроизводится, обуславливает вписанность человека в социальные отношения. В рассказах прибытие в Байкальск обычно обставлено эмоциями удивления и даже восхищения. Байкальск давал надежду на другую, новую жизнь и подкреплял ожидания жизненного успеха.

Присущая горожанам лабильность в принятии иного в сменившихся экономических условиях может быть ресурсом кардинального переформатирования жизни города. Город сформировался практически на незаселенном месте, собрал людей, прежде не связанных какими-либо отношениями. Совместное проживание людей с разными жизненными опытами, практиками сельской или городской жизни, взаимодействие лагерной субкультуры и атмосферы комсомольско-молодежных строек содержит истоки особого рода толерантности к иному и разному, истоки солидарности и традиций коллективного суще-

ствования. Соприкосновение с иным опытом и усвоение его расширяет возможности собственных жизненных выборов – смены рода занятий, усвоения новых практик и способов мышления, акцентирует выбор собственной позиции – в ситуации идеологических и жизненных противоречий четче очерчиваются собственные ценности. Данные компоненты сформировали тип рефлексии, в котором акцентирована призма видения себя через историю предков или страны.

Город и комбинат

Сбалансированность экономических и социокультурных составляющих порождала ощущение некоторой исключительности, особенности как составной части городской идентичности.

«Это было где-то вот шестьдесят первый год и шестьдесят восьмой. Когда люди почувствовали, что у них есть работа. [...] Снабжение было ленинградское. Строилось всё. Люди не знали ни в чем недостатка, ни талонов, ничего. Представляете! [...] ... Молокозавод был построен, потом был построен хлебозавод. Рядышком ОРС. А в этом ОРСе находились воинские запасы на три города. Это Иркутск, Ангарск и Шелехов. [...] Они (продукты) все замораживались, представляете! И каждые три года вот эти заморозки продавали по дешевке. И люди во-о-от так были довольны, представляете. Хрусталя, это не считалось, везде был дефицит, ковры не считалось. Вот это снабжение. Вот это был вправду золотой век». (Из интервью, М., 60 лет, директор музея, общественник)

Баланс жизненных целей и жизненных достижений давал ощущение состоявшейся жизни, ощущение состоявшейся жизни закреплялось как ценность. В интервью акцентированы дискурсы – «это был наш город», «город, где состоялась жизнь», – тождественность и неотделимость созидания города как возможность созидания собственной жизни является одним из смысловых стержней интервью. Акцентирован дискурс «состоятельности, полноты и насыщенности жизни», даже если был реализован обычный жизненный сценарий. Можно вычленил ключевую секвенцию в массиве интервью – потребность в состоявшейся жизни. Реализация этой потребности предстаёт в нарративе как семейный проект.

Но кроме корпоративных отношений, где доминируют отношения зависимости от идеологии предприятия как учреждения, выполняющего важные государственные функции, в молодых городах складывался иной, альтернативный тип транзакций, характеризующий степень автономии человека, его способность к иной солидарности, к координации усилий с другими безотносительно к предприятию и его идеологии. Такой тип отношений воспроизводили, например, неформальные, полупоформальные «объединения по интересам» – литературные, художественные, туристические, – которыми богат Байкальск.

В большой степени этот тип отношений создавали также «таежные люди» – охотники, рыболовы, заготовители, у которых существует свое представление об иерархии отношений, основанной на авторитете человеческих качеств и самостоятельности в мышлении и поведении.

Объединения по интересам, возникшие не только как восполнение дефицита «большой культуры», но и как реализация идеала человеческих отношений – важная составляющая моногорода, содержащая в себе ресурсы создания новых социальных сетей, иного типа социальных отношений. Плотность социальных сетей и присущий им высокий уровень доверия как показатель интенсивности интеграции населения является особенностью и Байкальска до настоящего времени.

Если вернуться к патерналистской логике, кроме корпоративной стилистики высвечивается спектр поведения, который мы обозначили как «социальная ригидность»,

когда схема жизненной активности может воспроизводиться только в прежней модели действий. Такая модель поведения не укладывается в концепты патернализма, но и не противоречит ей. В какой-то мере это проявляется в затянувшейся ситуации тактик выживания и «стратегий выжидания» горожан, когда очевидна готовность горожан к новому, иному социальному поведению, но в течение почти десяти лет удерживаемая ожиданиями того, как разрешится ситуация с комбинатом в целом, что скорее указывает на ригидность властных решений. Неясность ситуации с комбинатом, ответственность за которую полностью лежит на государственных структурах, является тормозом появления новых экономических практик. В такой ситуации «стратегии выжидания» горожан являются обоснованным личным решением и в какой-то мере естественным поведением (в отличие от поведения, детерминированного прошлым опытом). В поведении горожан заложено не ожидание блага, а ожидание поля активности. Но здесь встает важный вопрос о рамках ответственности между человеком и государством за создание этого поля активности. Термин ригидность скорее характеризует сами отношения и саму систему данной ответственности. И все же можно утверждать, что более выпукло «социальной ригидностью» наделено старшее поколение, те, кто находится на пенсии или в предпенсионном возрасте. Особенность их социокультурной модели поведения будет раскрыта ниже.

Поколения

Все вышеперечисленные компоненты способствовали не только возникновению особых динамичных условий для формирования городского сообщества. Вписанные синхронно в пределы времени, сравнимые с жизненным циклом человека, они способствовали формированию тех, кто устремлялся в моногорода, как поколения, с которым в городском сообществе ассоциируется целый комплекс социальных практик, связанных с биографическими обстоятельствами и психологическими особенностями. Значения, в которых употребляется понятие поколение в научной, публицистической и художественной литературе: рамки идентификации, нормы социальной реализации и существование проблемы реализованности. В данной работе обозначим категорию поколение как аналитический инструмент. Поколенческий анализ с необходимостью предполагается не только при рассмотрении прошлого моногородов, но и при прогнозировании их будущего, поскольку во многом перспективы моногородов зависят от поколений, социализировавшихся в постсоветское время, то есть в условиях социальной легитимации правил жизни, задаваемых рыночной экономикой, и одновременно сворачивания бывшего патерналистского благополучия.

Специфика «молодых» городов – отчетливая поколенческая структура. В тех из них, которые являются моногородами, особое значение приобретает такой критерий когортообразования, как нормы социальной реализации. Опираясь на данный критерий, в случае Байкальска, есть основание выделить в качестве поколения, прежде всего тех, кому сейчас от 50 до 60 лет (и выше). Среди них и старожилы, приехавшие в молодой город в 60-х, и те, кого сюда ребенком привезли родители, строившие комбинат и город, и те, кто родился в конце 50-х-начале 60-х уже в Байкальске. В условиях молодого города люди были объединены схожестью решаемых жизненных задач, ориентацией на будущее, на активный процесс созидания собственной жизни и норм жизни коллективной.

Границы этого поколения обозначаются началом формирования городского сообщества и заканчиваются на рубеже разрушения корпоративности, которая оказалась одним из доминантных звеньев городской идентичности.

На данный момент представители этого поколения уже пенсионеры или находятся в предпенсионном возрасте. По данным городской администрации, пенсионеры составляют больше одной трети населения. Если учесть тех, кто находится в предпенсионном возрасте, будет почти половина населения. Для них настоящее и будущее более определено и понятно. Они чаще всего рассчитывают на пенсию, небольшой доход с собственной дачи, сдачу жилья туристам. Они являются слоем населения, активным в освоении околотуристических услуг – организации жилья для приезжающих и обслуживания туристов. В нелегалитизированных, хорошо организованных сетях по расселению туристов в своих квартирах, оказанию услуг по трансферту и экскурсиям именно люди этого возраста выполняют функции диспетчеров и, как правило, являются организаторами. Инициатива снизу, от горожан, (тех, кому уже около 50) переросла в профессиональный менеджмент – создание единого диспетчерско-информационного центра по размещению и оказанию услуг; в создание фирм, оказывающих туристические услуги населению. Пройдя школу профсоюза, комсомольской работы, будучи в свое время плотно включенными в городскую общественную жизнь, они являются активными акторами освоения новых практик. Переход на формальные рельсы – скорее частные случаи, осуществляемые благодаря инициативе самих акторов и, что важно, – административным ресурсом в поддержании такой деятельности являются социальные сети прошлого – комсомольской и общественной работы, что также определяет не только объективную принадлежность к поколению, но и поколенческую идентичность. Новые экономические практики, не приносящие ощутимого дохода, но и не требующие особых усилий по освоению экономических или правовых знаний, чаще находятся в сфере нелегальной экономики. Будучи уже включенными в новые экономические сети, усвоившими новые правила игры, они все же остались в «том» городе и, являясь социально активными, они воспроизводят «тот» город. Привязанность к «тому» городу, возможность реализации только в «том городе» – один из показателей ригидности. Для них основными ресурсами являются ресурсы прошлого – комсомольская и общественная работа и ценности «золотого века» Байкальска. Они определяют себя как носителей ценностей «золотого века» Байкальска и зачатую как патриоты города, что уже развивается у следующего поколения – тех, кому около 40 лет.

Родившиеся в Байкальске в конце 60-х-начале 70-х годов и оставшиеся в городе, либо вернувшиеся туда после получения высшего образования, также могут быть выделены как поколение со своими нормами реализации, внутренними трудностями, горизонтами ожиданий. Первичная социализация этих горожан, которым сейчас около сорока лет или чуть больше, пришлась на период стабильности, вторичная социализация (выбор профессии, определение жизненной стратегии, создание собственного домохозяйства) происходила в период неопределенности социальной ситуации в стране, в то время, когда под вопрос было поставлено существование комбината. Наконец, сейчас – в период кризиса города – они уже отвечают не только за себя, но за своих детей, и часто – за престарелых родителей. Одно из следствий этого выбора – сегодняшняя ответственность за ситуацию, в которой оказались сейчас. Перед горожанами этого поколения наиболее остро стоит вопрос изменения экономических стратегий, что в рамках города требует смены сферы деятельности, освоения новых профессий, иных способов мышления. Им приходится наиболее пристально всматриваться в будущее. Одна из болезненных точек – претензия на особость и исключительность. Активным и высокопрофессиональным специалистам она помогает находить высокооплачиваемые работы вахтовиков или переезжать на хороших условиях в другие города, а не сумевших определиться ведет к экзистенциаль-

ному кризису и алкоголизму. В ситуации неопределенности, которая для представителей этого поколения наиболее разрушительна, требуются кардинальные, стратегические жизненные решения:

«Может быть, надо было куда-то уехать. Боялись родителей бросить, сейчас тем более». (Из интервью, ж., 54 года).

Как в стилистике, так и в содержании повествования сквозит неопределенность:

«Вахтовым методом работали. Но это тоже не дело, семья-то. Это месяц здесь, месяц там». (Из интервью, ж., 34 года).

Это поколение более подвержено катастрофическим дискурсам, так как жизнь их семьи экономически плотно «завязана» на комбинате. Они унаследовали от предков способность к жизненным выборам, но впитали и элементы патернализма. Затянувшаяся неопределенность с комбинатом задерживает их на этапе «нужно что-то делать» (это основная стратегия) и не позволяет определиться с тактиками, так как городские ресурсы экономических тактик очень ограничены. Они не видят перспектив ни на комбинате, ни в поле городской экономики. В отличие от предыдущего поколения, перед ними лежит более широкое, но неопределенное поле экономических тактик, которые нужно освоить и сделать основным источником дохода семьи, а не приработком. Невысокий заработок на комбинате и внутренняя готовность «что-то делать» заставляет наиболее активных искать источники дохода в неформальной деятельности – починке автомобилей у себя в гараже, полубраконьерском лове рыбы. Мужчины занимаются извозом и организуют экскурсионные туры на собственной машине, женщины по выходным работают горничными в отелях и кемпингах или устраиваются на сезонные работы. Этот сегмент деятельности с ограниченным доходом не рассматривается как основной экономический источник. Сорокалетние являются основными акторами в складывающейся сети отношений, основанной на дефиците экономического ресурса, в то время как у старшего поколения подобная активность мотивирована ещё и стремлением к самореализации и подпитывается культурным и символическим капиталом. На возрастной категории сорокалетних отразился еще один поколенческий разлом, который наиболее явственен в идее «несостоятельности как родителей».

«Такое поколение было брошенное, он рос в девяностых годах, когда это всё трудно было. Дети наши никому были не нужны, зарплату нам не давали. Детские мы с боем ходили, выдавали там. Стояли с плакатами, нам не платили... Вот мы-то как-то выросли. И пионерские лагеря были, и что-то там для нас. А они-то выросли в такое время трудное. Можно сказать, в нищете, когда мы деньги считали, когда нам зарплату вообще не платили. Детям в школу денег не было, просто вообще не давали. Т.е. на обед я детям ничего дать не могла. Вот правильно он говорит, а что нам дала Родина-то? Почему я должен ей долг отдать: в армию идти? Он даже не хочет и не собирается». (Из интервью, ж., 48 лет)

Родительская несостоятельность отчетливо показывает разрушение общего сегмента состоятельности жизни как одной из структур идентичности, обнажает экзистенциальный кризис, часто – психологический слом. Когда кардинально меняются способы достижения социальной состоятельности, для тех, кто не овладел этими способами, характерно чувство нереализованности, неопределенности. Подобными характеристиками их наделяют и извне, эти характеристики отчетливо прокладывают границы поколения.

К еще одному поколению, выделяемому с большой степенью условности, принадлежат те, кому от двадцати до двадцати пяти (и чуть выше). Это люди, находящиеся в

периоде вторичной социализации – на «пороге самостоятельной жизни», в ситуации жизненного выбора, в том числе выбора места жительства. Наиболее распространенной нормой реализации для них является отъезд. Внуки тех, кто строил город, окончив школу, массово уезжают из города.

«Ну, скорее всего, если поступил, то это гарантия того, что уехал. У них практически весь класс поступил в высшее учебное заведение. Вот мальчики сейчас, в основном, да, пошли в армию, уже у нас есть первые мальчики, которые в армию ушли с нашего класса. Ну, скорее всего, они и останутся где-то там (вздыхает), в крупных городах. Даже из родителей никто и не хочет, чтобы дети сюда возвращались». (Из интервью, ж., 32 года, учитель)

Понимая, что в сложившейся ситуации образование может быть жизненным шансом, дети, родители и школа делают ставки на хорошее образование.

«У нас вот кто уезжает (учиться) в Санкт-Петербург, в Москву, в Красноярск, в Новосибирск, эти ребяташки не возвращаются, они там хорошо устраиваются. Иркутяне... тоже редко возвращаются. Молодежь-то не возвращается». (Из интервью, ж., 32 года, учитель)

Молодые, выросшие в Байкальске, укрепляются в других городах, где, обладая мотивацией и ресурсами маргинала, бывают успешны. Унаследовав через семью и наставников способность к социальной и географической мобильности, а главное, потребность в «состоявшейся жизни», они реализуются в других местах. Байкальск выполняет функции социокультурного репродуктивного механизма – представители новых поколений наследуют способность к жизненному выбору, к вхождению в социальные сети, предприимчивость и т. д. Их отличие от родителей в том, что они уже не настолько привязаны к месту, хотя большинство родителей рассматривают это скорее как недостаток, чем как ресурс. Отъезд из города расценивается обычно как вынужденная мера в поиске применения своих сил. Для тех, кто уже закрепился в соседних городах и завел семью, самой большой проблемой является отсутствие жилья. Многие из них рассматривают возможность возвращения в Байкальск в случае развития города и появления рынка труда, соответствующего их запросам. Они часто являются наследниками квартир бабушек, дедушек, родителей, что может быть доминирующим стимулом к возвращению. Выбор профессии часто ограничен бюджетом семьи, что подчеркивает учитель средней школы:

«Вот с родителями общаемся прошлых лет. Идут туда, где больше социальных льгот, где социальные стипендии, если мать-одиночка и выплаты какие-то, туда и идут. Техникум авиационный котируется. Мы их ориентируем, чтобы родителям полетче было. У нас даже медалистки-девочки закончили этот техникум, потому что матери не могли содержать, выучились на стюардесс, летают, пройдет время, наверное, высшее получат». Раньше выбор профессии во многом диктовал комбинат. *«Раньше в Байкальске основой был завод. Учили лаборантов, учили их в Красноярске, Селенгинске, направление им давали. Завод был заинтересован, платили им хорошо, город был не умирающий, общепития давали. Сейчас такого нет».* (Из интервью, ж., 32 года, учитель)

Такая ситуация кардинально переопределяет отношения с городом:

«В позапрошлом я, когда своих выпускала, говорила – в Байкальске делать нечего. Чтобы расти, деньги зарабатывать, жилье получить, карьеру – делать это легче в другом городе, не в нашем». (Из интервью, ж., 32 года, учитель)

Экономические инициативы в большинстве случаев проявляют «сорокалетние», но организационно лидируют